

Независимая газ. - 2003 - 24. янв. - в. 15.

# О Высоцком

## К 65-летию поэта и актера

**Это последняя статья, написанная для «НГ» театральным критиком Натальей Крымовой. Она умерла в начале января. Наталья Крымова**

Обратились ко мне из «Независимой газеты» с просьбой написать о Высоцком. Повод – помнят, что первая моя статья о нем была действительно первой. Вообще первой публикацией о нем, которая вышла в свет. Я про это забыла, по правде говоря.

Произошло это в 1968 году. Статья вышла в журнале «Эстрада и цирк». А мой сын напомнил: «Как, ты забыла, что Высоцкий звонил тебе из Парижа и благодарил?!» Все было и вправду так. Звонил из Парижа и благодарил.

Вообще с годами память о Высоцком, иногда, кажется, уходит. И кто-то, не без усилий, ее удерживает.

А вообще разве означает что-либо возраст в том, что есть память о Высоцком? В 1980 го-

ды людей не просто слушали этот голос, но думали притом и всей душой и всем умом ему откликаться. Одно бесспорно и не требует развернутых доводов – феномен творчества Высоцкого и массового отклика ему отразил в себе то, что застою сопротивлялось и вопреки всяческим запретам сохранило нормы нравственного поведения.

Его художественная интуиция опиралась на незримые, не сразу улавливаемые (иногда, кажется, совсем ушедшие) живые тенденции народной жизни.

«Бард», «менестрель», «актер-певец» – такие определения давались и даются. И правда, прижизненных публикаций у Высоцкого почти не было, книг – подавно. Но та «вольность суждений площади», о которой говорил Пушкин, нашла в его песнях замечательное выражение. (Кстати, среди нынешних пушкинистов редко кто знал Пушкина лучше, чем Высоцкий.)

Однажды три больших поэта – Александр Межиров, Борис Слуцкий, Давид Самойлов –

див в своем творчестве. Иногда казалось, что он творит, не задумываясь, – просто рассказывает о том, что кругом делается. Быстро и естественно рифмовал он то, что в жизни отнюдь не рифмуется и не согласуется. Тексты песен Высоцкого нередко предстают в ошеломляющей неприглядности, почти буквальная необработанность. Но – почти! Удивительным образом сами эти тексты (и Высоцкий в них, и все его персонажи – «Волки», «Мани», «Серёги») высказывают свой поэтический, артистический норов.

Высоцкий тщательно искал слово, у которого особый облик. Плотью этого слова всегда был живой звук, интонация. Не всегда песенный звук, но всегда разговорный, живущий в общении человека с миром. Автор шел не от литературной, песенной речи, не от каких-либо принятых ее канонов и законов стихосложения, но от того душевного порыва, который ищет непереносимого выхода в живую речь. Там он живет своим душевно-психологичес-

души, – что-то сдвинуть в чужом сознании, оживить его – в этом заключался главный смысл всего, что делал Высоцкий.

Когда-то Станиславский отстаивал приоритет переживания – в противовес представлению и ремеслу. К сожалению, сегодня мы не можем похвастаться расцветом той школы, которую исповедовал Станиславский. Но про Высоцкого (и актера, и поэта) можно сказать, что он был все переживающей личностью. Он был художником, выпускающим в себя всю боль, все тревоги своего времени, чтобы потом что-то из себя исторгнуть. Оттого в театре он одержимо рвался только к одной роли – к Гамлету. Оттого в 1971 году такой Гамлет и был им создан – трагический хаос вопросов, обращенных человеком к своему времени, к устройству мира, к самому себе. «Гамлет», сказал Борис Пастернак, – не драма бесхарактерности, но драма долга и самоотречения, драма личности, понявшей в полной



С Булатом Окуджавой и Юрием Любимовым.

ду, когда он умер, кого только не пришлось увидеть на этих похоронах! Люди всех возрастов, женщины и мужчины, актеры, писатели, художники, режиссеры, рабочие и безработные... Москва (это был год Олимпиады) все сделала, чтобы не было приезжих. Могут сказать: так ведь это было в 80-м году – до перестройки! А сейчас – свобода, говорить можно все – сейчас Высоцкий «не звучит», разве не ясно?

Нет, мне не ясно. Вернее, мне ясно, что отношение к Высоцкому всегда было очень разным, и тут нечему удивляться. На вечерах его памяти, которые проводились на Таганке, можно было увидеть таких поклонников актера, что к ним и подойти было страшновато. Они осмивали Елену Камбурову, Булату Окуджаву, даже Пугачеву (!) только потому, что эти люди – не Высоцкий, не его голос, а их буквально пьянил именно голос и только голос одного человека. Понимали ли они, о чем его песни, – не знаю. Знали ли хоть как-нибудь, хоть с какой-либо стороны, что означает поэт Высоцкий, – мне неизвестно. Эта темная стихия всегда существовала вокруг Высоцкого, и из умных людей одного это отталкивало, другие, напротив, управляли той же силой, ухитрялись ею спекулировать, ее использовать.

Он жил в то время, которое принято называть эпохой застоя. Любители терминов пользуются этим охотно, но и бездумно: вчера был застой, смиренные с беззаконием, молчание, сегодня – гласность и т.п. Но именно в «годы застоя и безгласности» звучал голос Высоцкого, актера и поэта, и миллио-

пришли послушать стихи Высоцкого. Владимир Семенович пришел без гитары. В руках только большая пачка текстов. Потом на вопрос, не возникало ли у них сомнений – поэт ли перед ними, Самойлов мне ответил: «Ни малейших».

То, что Высоцкий – это поэт, долго требовало доказательств. «Я хочу быть понятым моей страной, а не буду понят...» – писал другой поэт XX века и признавал, что можно пройти по этой стране «сторонами, как проходит косой дождь». У Высоцкого не было оснований думать, что его не понимают, – тут был не «косой дождь», а ливень, очи-

ким законам – то длительным, бесконечным монологом, то предельным лаконизмом краткой реплики, чему-то подводящей итог.

Была своя закономерность в том, как, в какой форме поэзия Высоцкого вступила в жизнь народа. Она миновала средства массовой информации. Благодаря магнитофонным лентам песни Высоцкого стали известны всем. Голос был – яростной силы. Никакой благодати и в намеке не было. Речь то явно принадлежала автору, то круто меняла свой характер, выражала совершенно другую судьбу. Голос

мере, «что видимости не сходятся и их разделяет пропасть», это «драма высокого жребия, заповедального подвига, вверенного предназначения». Гамлет был создан Высоцким по законам – то есть по законам трагедии, то есть по законам искусства, требующим полной отдачи.

Можно разобраться и в совершенно противоположном даре Высоцкого – актера (и поэта). У русского скоморошества надежд на воскрешение, казалось, не было. (Пошлые подделки на улицах Москвы – не в счет.) Поэзия Высоцкого дает возможность присмотреться к истоку, к первооснове скоморошеского мировоззрения. Не внешнее формотворчество тут интересно, а независимое самощущения творца, определенное его положение в толпе, безошибочно угаданное. Скоморох на Руси произносил слово, выражающее униженный коллективный разум многих. Художественное различие – одно из слагаемых высокой поэзии в России, одна из примет национального артистизма, который требует публичности, общая разрядка и для автора исполнения, и для толпы. Тут – некая важнейшая разгадка всего, что испытано нами, когда мы слушали «смешные» песни Высоцкого. Никогда мы так не смеялись на песенных концертах... Но о смехе Высоцкого следовало бы написать отдельное исследование – это богатейшая тема. Нужны ли еще доказательства того, что для множества людей, живущих сегодня, сейчас, фигура Высоцкого не нуждается в защите? Он – нынешний наш поэт, актер, художник.

## Что-то сдвинуть в чужом сознании, оживить его – в этом заключался главный смысл всего, что делал Высоцкий

щающие потоки, под которые люди радостно подставляли лица. У Высоцкого всегда был свой высокий расчет – на массовое понимание. Я подчеркиваю слово «высокий», потому что только кажется, что некоторыми песнями Высоцкий ублажал публику. Нет! Он ее в определенном смысле воспитывал, приучал к правде, к тому, что эту правду можно и нужно говорить. Но, главное, – нужно правдиво думать. И – поступать. Вопреки всем сложным обстоятельствам времени, Высоцкий был абсолютно прав-

особый – редкий по музыкальному диапазону (на две октавы!), он песню обрабатывал, как наждак, то крупнозернистый, то мельчайший, которым пользуются, может быть, ювелиры...

Но был, повторю, еще и высокий смысл поведения Высоцкого – поэта и актера – на эстрадных подмостках. Высоцкий демонстрировал (не подходит ему это слово, но все же оставляя его) своеобразную работу художника над сознанием аудитории. Проникнуть, как он говорил, не только в уши, но и в